
РОССИЯ И ИРАН: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ РАЗВИТИЯ

В.И. Юртаев

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10-2, Москва, Россия, 117198

В статье рассмотрены проблемы вхождения Исламской Республики Иран в современные интеграционные процессы в Евразии в контексте анализа перспектив реализации актуальных форматов международного взаимодействия с участием Ирана и России. Рассмотрен эффект исторической синхронизации политической истории двух стран и перспективные сценарии развития для Ирана.

Ключевые слова: проекты интеграции, историческая синхронизация политики, исламский фактор, Иран, Россия, Евразия.

В начале XXI в. регион Ближнего и Среднего Востока (Юго-Западная Азия) приобрел особо важное значение для реализации российских интересов в южной зоне постсоветского пространства. Это обусловлено развитием международной и региональной обстановки после распада СССР, приведшим к тому, что как Россия, так и государства Ближнего и Среднего Востока фактически оказались в одном геополитическом и военно-стратегическом пространстве. Общими стали «пограничные» проблемы и резко возросла взаимозависимость.

Поскольку Ближний и Средний Восток являются зоной опасных международных конфликтов, перспектива скорейшего и всеобъемлющего урегулирования которых остается достаточно проблематичной, происходящие там события непосредственным образом затрагивают национально-государственные интересы России.

Современные характеристики развития такого крупного государства Среднего Востока и Юго-Западной Азии, как Исламская Республика Иран (ИРИ), показали, что процесс становления этого азиатского регионального лидера эпохи глобализации претерпел трансформацию и заметное ускорение. Оно все также реализуется в исламской (шиитской) парадигме развития «с опорой на собственные силы».

Возросший потенциал Ирана соотнесен с амбициозной программой национального развития на 10–15 лет до 2025 г., что ставит новые задачи перед иранской внешней политикой. Главная проблема второго десятилетия XXI в. для Ирана и соседних государств, в том числе и России, заключается в недостатке доверия и невысоком уровне сотрудничества. Обратной стороной этого вызова является критически высокий уровень напряженности

вокруг ИРИ, что сочетается с применением против Ирана санкций со стороны мирового сообщества.

Вряд ли можно говорить о том, что против Ирана сложилась глобальная враждебная коалиция, но ясно, что в сложившейся международной ситуации имеющийся потенциал проектного взаимодействия не может быть эффективно реализован.

Иран в силу своего геостратегического положения, экономического и военного потенциала является важным внешнеполитическим союзником России на южном направлении. Иран не имеет общей границы с Россией, но он граничит с другими государствами СНГ – Арменией, Азербайджаном, Туркменией и находится вблизи Северного Кавказа, поэтому Тегеран в состоянии оказывать заметное влияние на события, происходящие в регионе.

История российско-иранских отношений исчисляется веками. Особенно непростыми стали последние десятилетия, когда в Иране и России менялся общественно-политический и экономический строй, утверждалась новая идеология, к власти приходили новые социальные силы.

Распад СССР явился неприятным сюрпризом для Ирана, на северных границах которого вместо привычной «угрозы советской военной мощи» активизировались этнорелигиозные конфликты самого широкого спектра. Вскоре они охватили часть населения ИРИ. Иран также оказался вовлеченным в интриги междоусобной и клановой борьбы региональных элит в Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе (Афгано-Таджикский, Нагорно-Карабахский, Чеченский и др.).

Все это уже напрямую затрагивало интересы национальной безопасности ИРИ и представляло реальную опасность территориальной целостности иранского государства.

Важным моментом во внешней политике России, по сравнению с бывшим СССР, стало изменение ее региональных приоритетов.

С образованием новых независимых государств в Средней Азии и Закавказье этот регион стал центральным во внешней политике России, которая стремилась установить контроль над этими государствами, и значительно выросла роль Ирана во внешней политике России. Стратегическое место Ирана в зоне Персидского залива, его важность как торгового партнера России, его отношения и позиции в бывших советских республиках Средней Азии и Закавказья – все это вызывает повышенный интерес России к Ирану. В свою очередь, в условиях определенной международной изоляции Иран нуждается в дипломатической и экономической поддержке России.

Но в отношениях между двумя странами случались и недопонимания, например, когда ИРИ заявила о распространении режима исламского правления на соседние страны, а также в связи с попытками Ирана транспортировать энергоресурсы из Средней Азии и Закавказья в обход России.

Несогласованность в рядах правящей российской элиты также вызывала серьезные осложнения в российско-иранских отношениях. Прежде всего, это

касалось поставок в Иран некоторых составляющих ядерных реакторов, о чем шли переговоры между иранским правительством и министерством атомной энергетики РФ, что (по некоторым оценкам западных экспертов) могло бы ускорить производство Ираном атомного оружия. Но в результате сильного давления США сделка не состоялась.

Кроме того, некоторые представители российского генералитета были склонны рассматривать Иран и его программы модернизации своего ракетного оружия как потенциальную угрозу России (1).

Российско-иранское сближение наметилось в конце 1980-х гг. Новый импульс развитию двусторонних связей был дан в июне 1989 г. во время визита в Москву иранского президента Хашеми-Рафсанджани, в ходе которого был заключен ряд важных соглашений, в том числе в области военно-технического сотрудничества.

В то время Иран крайне нуждался в советском оружии и военной технике, так как его военный потенциал был сильно подорван ирано-иракской войной. Напряженность отношений с США не давала возможности достать запасные части к западным образцам оружия. Война в Персидском заливе 1990–1991 гг., в результате которой США значительно укрепили свое политическое и военное присутствие в регионе, заключив военные соглашения со странами ССАГПЗ и получив военные базы в этом районе, еще более увеличили зависимость Ирана от российских военных поставок.

Для России Иран – один из немногих кредитоспособных клиентов. С конца 1980-х гг. общая стоимость поставляемых в Иран из России вооружений превысила 2,5 млрд долл. (2).

Участие Ирана в процессах, происходящих в Среднеазиатском и Закавказском регионах, представляет для России особую важность. Иран объективно является конкурентом Турции за влияние в данном регионе в процессе заполнения идеологического, политического, экономического вакуума, образовавшегося после распада СССР.

Несмотря на ряд спорных областей, в целом российско-иранские отношения на протяжении 1990-х гг. оказались продуктивными и заложили хороший фундамент на будущее. Отсутствие стратегической заинтересованности Ирана в решении проблемы Каспия способствовало снижению остроты обсуждения и утрате актуального статуса данным вопросом.

При президенте ИРИ М. Ахмадинежаде в отношениях Ирана с Россией и с другими государствами СНГ появились новые тенденции.

Уже после 11 сентября 2001 г. сложилась иная ситуация на Ближнем и Среднем Востоке, так как основное острие борьбы США с терроризмом было направлено на этот регион. После 2005 г. существенно расширились рамки конфликтного потенциала региона, которые прежде сводились главным образом к проблеме ближневосточного конфликта. Это заставило многие страны региона пересмотреть свои внешнеполитические концепции. Угроза международного терроризма стала реальной для всех государств. Прежние

элементы, которые служили главным фактором взаимоотношений России и Ирана в Средней Азии и Закавказье, стали меняться.

Особенно это стало заметно после появления американских военных контингентов в ряде стран СНГ и позиции, занятой по этому вопросу Россией.

Насторожило Иран сближение России с США и развитие отношений с НАТО. Одна из главных факторов российско-иранского альянса – стремление не допустить США в страны региона – потеряла свою остроту. Политика России в Центральной Азии претерпела значительную трансформацию. Российские устремления в регионе стали менее амбициозными, политика России приобрела более централизованный характер. Россия все более строила свои отношения с государствами СНГ без оглядки на третьи страны, и в частности на Иран.

В хрониках начала XXI в. зафиксировано несколько важных проблем, в решении которых Россия и Иран принимали и принимают ключевое участие. Среди них – атомная тема, проблематика Каспия, вопросы мира и безопасности на Кавказе и в Центральной Азии, в Афганистане, в Ираке и на Ближнем Востоке, участие в процессах региональной интеграции и международных энергетических и транспортных проектах.

Российско-иранское сотрудничество по вышеназванным проблемам, имеющим важное значение для региона, сопровождалось реализацией конкретных проектов в сферах экономики и торговли. Опыт работы российского бизнеса в этом геополитически чувствительном регионе уникален и достаточно успешен. Он показывает возможность созидательного сотрудничества даже в условиях внешних ограничений и меняющейся динамики идущих процессов. Во многом это стало результатом продуманной системы развития двусторонних торгово-экономических отношений, основанной на понимании специфики Исламской Республики как государства.

В свою очередь, иранская сторона никогда не скрывала, что за годы «холодной войны» сформировался отрицательный имидж России (СССР), когда северный сосед оказался для иранцев в культурном отношении «совершенно чужим».

В 1990–2000-е гг. взаимными усилиями были созданы значительно более благоприятные условия для общения между двумя древними культурными регионами – иранским и восточнославянским. Взаимное сближение во многом было обусловлено стремлением народов Ирана и России найти свой собственный ответ на вызовы глобализации.

12–14 марта 2001 г. состоялся государственный визит в РФ Президента ИРИ М. Хатами.

Его результатом явилось подписание «Договора об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между РФ и ИРИ» и других важных документов. Все они были направлены на расширение и укрепление российско-иранского сотрудничества самых различных сферах экономики, политики и культуры.

В целях координации деятельности российских ведомств, компаний и организаций на ирано-российском рынке была создана и действует Постоянная Российско-Иранская комиссия по торгово-экономическому сотрудничеству (МПК) (3). На пятом заседании МПК (Москва, 14–17 декабря 2004 г.) была дана положительная оценка развитию торгово-экономических связей России и Ирана и стороны подтвердили обоюдное стремление к их активизации и углублению (4). Товарооборот между двумя странами впервые превысил сумму в 2 млрд долл. США. Можно сказать, что в 2004 г. закончился начатый в 2000 г. этап активизации торгово-экономического сотрудничества между двумя странами и наступил период их стабилизации на новом уровне.

13 декабря 2007 г. в Москве состоялось седьмое заседание Постоянной Российско-Иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Заседание Комиссии должно было конкретизировать договоренности, достигнутые между Президентами России и Ирана на встрече в Тегеране 16 октября 2007 г.

Тогда Президент России В.В. Путин прибыл в Тегеран для участия во Втором Каспийском саммите и провел переговоры с духовным лидером ИРИ А. Хаменеи и Президентом М. Ахмадинежадом.

Президент Ирана назвал итоги визита В. Путина «рубежными» в развитии отношений между Россией и Ираном.

Руководители двух государств в области решения ключевых вопросов мировой политики высказались за сотрудничество с целью создания «более справедливого и демократического мирового порядка, обеспечивающего глобальную и региональную безопасность и создающего условия для всестороннего развития», подчеркнув при этом необходимость укрепления «координирующей роли Организации Объединенных Наций (п. 16)» (5).

Российско-иранские отношения в 2007 г. имели шанс перейти на качественно иной тип взаимодействия – «стратегическое партнерство».

Главной отличительной чертой такого партнерства в иранском понимании, как представляется, выступало единство политического и экономического начал, или тоухидность в исламской терминологии.

Именно руководство Ирана резко повысило планку переговорного процесса, предложив перспективу последовательных и системных отношений с Россией.

В результате достигнутых договоренностей, подтвержденных в ходе прошедших в декабре 2007 г. заседаний межправительственных комиссий по военно-техническому и торгово-экономическому сотрудничеству, начался процесс углубления стратегических отношений Ирана и России. Иранские специалисты полагали возможным обеспечить стократное увеличение товарооборота Ирана с Россией – до 200 млрд. долл. США в 2018 г.

В целом, в первом десятилетии XXI в. спектр российско-иранского сотрудничества начал расширяться: космос и авиастроение, атомная и тепловая энергетика, нефтегазовая промышленность, металлургия, сельское хо-

зяйство, лесное и рыбное хозяйство, транспорт, связь, строительство, экология.

Годовой оборот торговли уже к 2003 г. за пять лет вырос вдвое и составил около 1 млрд долл., при этом более 90% приходилось на российские поставки (6).

Активное развитие получило сотрудничество субъектов Российской Федерации с городами и провинциями Ирана. Наиболее активно с российской стороны в этом плане работали Москва, Санкт-Петербург, Республика Татарстан, Республика Мордовия, Астраханская, Саратовская, Волгоградская, Нижегородская, Омская области.

С развитием МТК «Север–Юг» региональное сотрудничество может стать существенным фактором торгово-экономических отношений России и Ирана.

Следует подчеркнуть, что Иран для России являлся выгодным партнером и емким рынком для оборудования ядерной энергетики, значимым союзником в поддержании определенного баланса в отношениях с США на Ближнем Востоке, особенно в Персидском заливе, где у России имеются стратегические интересы.

Для России Иран являлся фактором, способным содействовать умиротворению в Таджикистане, сдерживанию Азербайджана, обеспечению общих интересов в Афганистане и мусульманском мире в целом. Для Ирана Россия – важный источник современных высоких технологий и техники, дипломатический союзник в противостоянии против США и ряда других стран, изолирующих ИРИ, препятствие для возможных экспансионистских устремлений Азербайджана, союзник в ограничении террористической и другой угрозы со стороны Афганистана. Тем более, как отмечали исследователи, «научно-технический потенциал даже Арамко, ИННК Ирана, не говоря уже о других, заметно уступает крупнейшим мировым компаниям, использующим современную научно-техническую базу экономики ведущих центров мирового хозяйства» (7).

Вместе с тем в российско-иранских отношениях присутствует и определенная потенциальная угроза. Это прежде всего продолжающийся конфликт в Чечне, наличие известных претензий ИРИ на транспортировку каспийской нефти и газа, расхождения в подходах ИРИ и России к вопросу о размере долей раздела морского дна Каспия.

Россия идет на Восток, как это было не раз в прошлом. И, очевидно, находится в самых выгодных условиях по отношению к Ирану в сравнении с конкурирующими с ней державами. Накоплен позитивный опыт работы по обустройству, в том числе, турбулентного постсоветского пространства вокруг Каспия.

Важно сохранить найденный алгоритм обеспечения развития и безопасности в регионе, тем более что в условиях дестабилизации соседних стран (Афганистан и Ирак) вопрос не нарушения суверенитета Ирана перестал

быть проблемой даже регионального уровня. Ведь военный «навес» создан. Поэтому задачи сохранения мира и обеспечения безопасности в регионе Центральной Евразии выступают как составляющие безопасности глобальной, а не только одной отдельно взятой страны – Ирана.

На Втором Каспийском саммите с участием глав государств России, Ирана, Азербайджана, Казахстана и Туркменистана, состоявшемся 16 октября 2007 г. в Тегеране, в центр внимания были поставлены вопросы хозяйственной деятельности на дне и в недрах Каспия, безопасность мореплавания, защита объектов нефте- и газодобычи, совместная борьба с международным терроризмом и экстремизмом, развитие международного транспортного коридора «Север–Юг», а также выработка необходимых мер по укреплению экосистемы моря.

По итогам работы саммита была подписана совместная Декларация.

В.В. Путин в своем выступлении на саммите заявил, что страны Прикаспийского региона должны решать все имеющиеся проблемы «путем диалога, учитывая интересы друг друга, соблюдая суверенитет и отказываясь даже не только от применения какой бы то ни было силы, но даже от упоминания о возможности применения силы».

Президент России предложил свести к минимуму подлежащую разделу акваторию Каспия и выразил надежду на скорейшее определение национальных зон недропользования в южной части Каспийского моря. Среди российских приоритетов при развитии сотрудничества Президент России назвал:

– «обеспечение безопасности и стабильности в регионе, причем в самом широком смысле. Имею в виду и безопасность мореплавания, и защиту объектов нефте- и газодобычи. А также совместную борьбу с международным терроризмом и экстремизмом»;

– реализацию инфраструктурных проектов, в рамках ускоренного развития МТК «Север–Юг» и создания дополнительного водного канала, который свяжет Каспийское море с Черноморско-Азовским бассейном, что «можно назвать достаточно перспективной задачей» (речь идет о проекте Международного морского канала «Евразия». – *В.Ю.*);

– установление необходимого разумного баланса «между развитием производства нефти и газа и укреплением экосистемы» (8).

Как и планировалось, состоялись прямые переговоры Президентов России и Ирана. В. Путин встретился с духовным лидером исламской революции в Иране аятоллой С. Хаменеи.

В центре ожиданий комментаторов традиционно находилась атомная проблематика, однако итоги двухраундовых переговоров 16 октября 2007 г. оказались значительно более содержательными. В.В. Путин и М. Ахмадинежад выступили с совместным заявлением, в котором стороны подчеркнули свою готовность к расширению двустороннего сотрудничества в следующих областях: нефтегазовая промышленность; атомная энергия; гидро-

энергетика, авиастроение, банковское дело, транспорт и др. (п. 3). В области ядерной энергетики стороны подтвердили свою приверженность Договору о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО) и взаимную готовность к сотрудничеству в области мирного атома (п. 7) (9).

Стороны подтвердили свою готовность придерживаться при выработке Конвенции о правовом статусе Каспийского моря положений Договоров 1921 г. и 1940 г. (п. 14). (Договор между Российской Социалистической Федеративной Советской Республикой и Персией от 26 февраля 1921 г. и Договор о торговле и мореплавании между Союзом Советских Социалистических Республик и Ираном от 25 марта 1940 г. – В.Ю.).

Руководители двух государств в области решения ключевых вопросов мировой политики высказались за сотрудничество с целью создания «более справедливого и демократического мирового порядка, обеспечивающего глобальную и региональную безопасность и создающего условия для всестороннего развития», подчеркнув при этом необходимость укрепления «координирующей роли Организации Объединенных Наций (п. 16)» (10).

На сайте Президента Ирана 17 октября 2007 г. была вывешена информация, дополнявшая подписанные во время визита В. Путина в Тегеран официальные документы, – о том, что в планы сторон входит резкое повышение уровня взаимодействия и к 2018 г. ставится задача вывести торгово-экономическое сотрудничество на уровень товарооборота 200 млрд долл. в год. Можно было бы подумать, что это опечатка, и речь идет о 20 млрд долл., но данная цифра фигурирует и в версии на персидском языке. Эта цифра в 2,5 раза больше ориентиров долговременной «Большой программы» сотрудничества России и Китая (80 млрд долл.). Впрочем, нефть, газ, энергетика, международный транзит, авиакосмическое и инвестиционное сотрудничество – все идет в счет.

Таким образом, Иран во время визита Президента России в эту страну показал уровень общего потенциального ущерба или утерянной выгоды в случае совершения против него вооруженной агрессии. Сам М. Ахмадинежад назвал итоги визита В. Путина «рубежными» в развитии отношений между Россией и Ираном.

Достигнутые договоренности о взаимных капиталовложениях в Иране и в России, как и установка на возможно более широкое сотрудничество на долговременной основе в области торговли, экономики, промышленности, науки и техники, должны быть в кратчайшие сроки оформлены в виде межгосударственного соглашения (Совместное заявление, п. 9). В.В. Путин отметил, что нужна Программа совместных действий по расширению отношений между Тегераном и Москвой (11). Насколько реальны заявленные цифры, покажет время. Важно, что руководство Ирана резко повысило планку переговорного процесса, подтвердив тем самым необходимость немедленного продвижения вперед по выстраиванию последовательных и нацеленных на перспективу системных отношений с Россией.

В стратегическом отношении современный Иран нацелен на гегемонию в мире путем его исламизации посредством всемирной исламской революции. Миссия ИРИ в мире определена как «создание условий для становления всемирной справедливой власти путем нового возвышения исламской цивилизации» (12). В результате должен исчезнуть «режим мирового господства» и распространится «свет справедливости и духовности» (13).

М. Ахмадинежад (президент ИРИ с 2005 г.) заявил о «втором старте» ирано-исламской цивилизации, который был дан исламской революцией.

В качестве главных ориентиров развития Ирана были определены следующие: реализация 20-летнего плана социально-экономического развития страны на 2006–2025 гг.; продвижение к обществу справедливости, процветания, здоровья и духовности; воспитание поколения сознательных и компетентных строителей всемирной справедливой власти (хокумат-э `адл-е джахани); международная деятельность во благо справедливости, мира и уважения (14).

Выбор этих амбициозных ориентиров развития видится закономерным, поскольку страна, претендующая на статус «регионального лидера» эпохи глобализации, должна участвовать на паритетной основе в реализуемых мировым сообществом проектах глобального масштаба и выступать гарантом безопасности в регионе.

Столь оптимистичное планирование стало демонстрацией уверенности Тегерана в будущем, несмотря на то, что в первом десятилетии XXI в. Иран все заметнее смещался в эпицентр продолжаемой США «бури в пустыне», нацеленной, в том числе, на уничтожение его как государства – лидера всемирной исламской революции.

Многосторонняя вовлеченность и высокая степень милитаризации присутствия третьих стран в регионе Среднего Востока и в зоне Персидского залива не может не вызывать озабоченности у северного соседа Ирана – России. Тем более, что по сути, речь идет о подтверждении права США оставаться гегемоном на «большом Ближнем Востоке», которое Вашингтон получил после событий Суэцкого кризиса (1951 г.) и которое было фактически утрачено после свержения шахского режима в Иране (1979 г.) и вхождения исламского фактора в мировую политику.

Иран в географическом отношении замыкает на себя важнейшие для планирования возможной интеграции в Евразии евро-азиатские широтные и меридианные транспортно-коммуникационные маршруты с возможным или уже состоявшимся участием всех ключевых государств континента, в том числе и России, и это также обуславливает высокую значимость осмысления характеристик исторического взаимодействия двух стран в условиях актуализации поиска новых оснований для развития в условиях глобализации. Перед современным руководством ИРИ стоит непростой выбор долговременных стратегических союзников.

У России и Ирана есть исторический шанс совместного участия в формировании новой модели регионального взаимодействия.

Речь не идет о геополитическом союзе или партнерстве с Ираном в рамках союза с миром ислама, просто в силу их очевидной утопичности. В отличие от Ирана, о России часто говорят как о Евразии в целом. Действительно, в России не все – христиане. Но и не все – мусульмане или буддисты. Россия идет путем нового регионализма, когда государства, заинтересованные в более глубоком сотрудничестве, могут работать в иных формах, чем все остальные. Внутренний стержень интеграции на пространстве СНГ – ЕврАзЭС, который динамично развивается и в рамках которого возник Таможенный союз России, Беларуси и Казахстана (2010 г.).

И Иран, и Россия не могут друг без друга приступить к реализации масштабных континентальных геоэкономических проектов, за которыми очевидное будущее центрально-евразийской интеграции. Происходит это в условиях общей актуализации в XXI в. геополитической значимости континентальных России и Ирана. В условиях глобализации происходит отмеченная выше актуализация континентальной матрицы Великого Шелкового пути.

С одной стороны, все прикаспийские государства, не имеющие выхода к морю, объективно заинтересованы в строительстве максимально возможного числа альтернативных транспортных коридоров.

С другой стороны, в среднесрочной перспективе, в странах ШОС (Китай, Россия и др.) ожидается усиление региональной интеграции внутреннего рынка и рост внутренних перевозок. Важнейшим условием экономического роста новых районов (центров перспективной разработки природных ресурсов и т.п.) станет обеспечение их транспортной доступности и включенности в общетранспортное сотрудничество.

В этих условиях опережающее расширение географии и спектра транспортных услуг должно стимулировать быстрый экономический рост на высокотехнологичной и инновационной основе в сопряженных с международными/региональными транспортными коридорами районах.

Однако, возможно, существует и более глубинное основание для российско-иранского стратегического партнерства.

И здесь можно отметить некоторую синхронность исторических циклов двух стран, что позволяет говорить о возможности проявления эффекта синергии в случае совпадения их стратегий.

Россия и Иран идут как бы параллельными курсами. Так, в начале XX в. синхронно произошли революции в 1905 г., затем русский царь и персидский шах в 1906 г. даровали своим народам конституцию, и каждый по три раза разгонял свои парламенты (Госдуму и Меджлис).

После революционных событий 1917 г. в России обе страны переживали сложные времена гражданской смуты, которые завершились почти одновременно. 16 ноября 1920 г. Москва получила известие о ликвидации Южного фронта и фактическом завершении Гражданской войны, а спустя три месяца (21 февраля 1921 г.) в Тегеране персидские казаки привели к власти будущего Реза-шаха (с 1925 г.).

Далее, в середине 1930-х гг. по странам прокатились репрессии. В 1943 г. судьбы мира решались на Тегеранской конференции. В 1953 г. произошла кардинальная смена руководства двух стран. В 1964 г. был снят Н. Хрущев, а аятолла Р. Хомейни был выслан шахом в Турцию из Ирана. В 1989 г. советские войска покинули территорию Афганистана, а в 1988 г. закончилась ирано-иракская война.

В хрониках начала XXI в. зафиксировано несколько важных проблем, в решении которых Россия и Иран принимали и принимают ключевое участие. Среди них – атомная тема, проблематика Каспия, вопросы мира и безопасности на Кавказе и в Центральной Азии, в Афганистане, в Ираке и на Ближнем Востоке, участие в процессах региональной интеграции и международных энергетических и транспортных проектах.

Отмеченные параллели можно назвать эффектом исторической синхронизации политической истории, и учет данного фактора, очевидно, необходим при выстраивании перспективных сценариев развития как Ирана, так и России, включая и область двусторонних отношений.

К 2010 г. судьбы Ирана и России снова переплелись на новом витке исторического развития, и возможными конструктивными основаниями взаимодействия здесь могли бы стать внеблоковый прагматизм российской внешней политики и гуманитарная составляющая иранской дипломатии.

Принятые национальные стратегии нацелены на обеспечение лидерских позиций в условиях многополярного мира.

В сфере внешней политики к началу XXI в. иранское руководство постепенно отказалось от характерного для 1980-х гг. прямолинейно-агрессивной реализации принципа «экспорта исламской революции». Усилиями Тегерана в международный диалог была внесена сильная гуманистическая составляющая – пятый президент ИРИ М. Хатами (1997–2005 гг.) выступил с инициативой «диалога цивилизаций», что получило поддержку и признание ООН, а затем мировому сообществу была предложена дипломатия созидательного взаимодействия шестого президента ИРИ М. Ахмадинежада.

Среди отмеченных вариантов интеграции с участием России и Ирана наиболее привлекательным выглядит сотрудничество в рамках региональной организации нового (глобального) типа, известной под названием Шанхайская организация сотрудничества (ШОС).

ШОС – это международная организация, членами которой являются Казахстан, Китай, Киргизия, Россия, Таджикистан и Узбекистан. В число стран – наблюдателей ШОС входят Индия, Иран, Пакистан и Монголия.

В рамках этой организации, объединяющей вместе с наблюдателями большую часть населения планеты и 3/5 территории Евразии, реализуются усилия лидеров различных цивилизаций на пути построения нового мира и партнерства. Пространство этой развивающейся региональной организации непосредственно граничит с пространством «Большой Европы».

Однако здесь возникает целый комплекс проблем в российско-иранских отношениях, которые серьезно ограничивают возможное стратегическое партнерство двух стран. Во многом эти проблемы инициированы Ираном или являются следствием международной ситуации, возникающей вокруг него.

Важно подчеркнуть, что в российско-иранских отношениях никогда не было ни «братской дружбы», ни взаимной ненависти и стремления решить все проблемы одним махом. В 1943 г. собравшиеся на Тегеранскую мирную конференцию лидеры союзных держав Рузвельт, Сталин и Черчилль подписали Декларацию, гарантировавшую Ирану, как стране-хозяйке Конференции, независимость и экономическое содействие.

Тегеран-43 сыграл краткую, но весомую роль в утверждении послевоенного мира. Сердце древней иранской цивилизации и по сей день остается местом напряженной борьбы и поисков компромисса на пути к будущему миропорядку. В начале 2012 г. Россия вновь подтвердила свою «независимую, самостоятельную позицию», которая до этого проявилась, в частности, в завершении строительства АЭС в Бушере в 2010 г. (15).

Как представляется, устранение определяющей роли идеологической доминанты в международных отношениях после краха биполярного мира вывело на первый план проектную, геоэкономическую в своей основе деятельность. Традиционная евразийская геополитика все заметнее отходит на второй план при решении геостратегических задач – пространство Евразии все заметнее сшивается геоэкономическими скрепами. Складывающуюся евразийскую конфигурацию определяют реализуемые и намечаемые стратегические проекты. В начале XXI в. эти проекты так или иначе связаны с возникновением новых маршрутов в трансконтинентальных перевозках («Транс-сиб», «ТРАСЕКА», «Север–Юг», «Север–Север» и др.).

Именно транспортная активность сегодня более, чем когда-либо, превращает Европу и Азию в единое мобильное пространство развития, обеспечивая растущую потребность в надежных, эффективных, безопасных и экологических коммуникациях для развития международной торговли, туризма и экономического сотрудничества.

В глобальной повестке дня для стран Европы и Азии стоят проблемы формирования Единого интегрированного евразийского транспортно-коммуникационного пространства. Участие России в стратегических евразийских проектах во многом определит формат складывающейся евразийской интеграции.

Однако сложившаяся среда евразийской политики весьма инерционна, в том числе и в силу накопленного странами континента военного потенциала. Поэтому в борьбе за евразийское наследие, особенно в Азии, неизбежно потребуются использовать геополитический инструментарий. Но будет ли он основным и единственным? Можно ли средствами геополитики решить возникшие проблемы Евразии? Возможно ли учесть риски силового решения,

которое чревато глобальной катастрофой (учитывая имеющееся ядерное, химическое, бактериологическое оружие)?

Как показала практика «арабской весны» (2010–2012 гг.), предлагаемые варианты геополитических решений не только не исключают эскалацию конфликтных ситуаций, но и прямо провоцируют их.

Некоторые авторитетные иранские и зарубежные политики высказывают мнение, что Россия хочет сделать Иран разменной картой в игре с Америкой. Но Россия и Иран на самом деле – «вынужденные партнеры». Это партнерство не «стратегическое» и не «идеологическое», а возникающее естественно как стратегическое совпадение интересов двух стран-соседей, прагматическое в своей основе, обусловленное тем, что мы – соседи. Альтернативой, как показала политическая история развития двух стран в XX в., становятся силовые решения. В XXI в. Россия и Иран вступили, накопив достаточный потенциал для реализации больших совместных проектов, взаимовыгодных и имеющих глобальное измерение.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Freedman R.O.* Russian-Iranian Relations in the 1990-s // MERIA. – 2000. – June. – V. 4. – № 2. – P. 64–79.
- (2) *Дружиловский С.Б.* Мировое сообщество и новая внешнеполитическая концепция Ирана // Иран: Диалог цивилизаций: Мат-лы науч. конф. (Москва, апрель 2001 г.). – М., 2002. – С. 41.
- (3) В 2001 г. подписано Соглашение о сотрудничестве и взаимной помощи в таможенных делах. 5 апреля 2002 г. вступил в силу Договор об основах взаимоотношений и принципах сотрудничества между Российской Федерацией и Исламской Республикой Иран, подписанный Президентами двух стран в марте 2001 г. 5 марта 2002 г. вступило в силу Соглашение об избежании двойного налогообложения, 16 мая 2002 г. – Соглашение о международном транспортном коридоре «Север–Юг» между Россией, Индией и Ираном. 4 ноября 2003 г. подписана Рамочная Конвенция по защите морской среды Каспийского моря. В 2005 г. были подписаны Соглашение между Торгово-промышленной палатой России и Палатой торговли, промышленности и рудников Ирана «О создании “Делового совета”», а также Соглашение о сотрудничестве между Торгово-промышленной палатой России и Палатой торговли, промышленности и рудников Ирана в области обмена деловой информацией. В феврале 2007 г. в Москве состоялось первое совместное заседание Российско-Иранского Делового совета.
- (4) Протокол пятого заседания Постоянной Российско-Иранской комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству. Москва, 14-17 декабря 2004 г. (из архива автора).
- (5) Руководство Исламской Республики Иран: официальный сайт // <http://www.president.ir/fa>. – 17.10.2007.
- (6) Ежедневная электронная газета «УтроRu» // <http://www.utro.ru/articles/2003/06/17/206605.shtml>.
- (7) *Бондаренко С.В., Ткаченко А.А.* Ближний, Средний Восток и Северная Африка в мировом нефтегазовом хозяйстве. – М., 2008. – С. 32–33.

- (8) Об участии Президента России В.В. Путина во Втором Каспийском саммите // Сообщения Министерства иностранных дел России. Департамент информации и печати. Информационный бюллетень. – 2007. – 16 окт.
- (9) Руководство Исламской Республики Иран: официальный сайт // <http://www.president.ir/fa/17.10.2007> (на перс. яз.).
- (10) Голос ядерного Ирана // <http://www.iranatom.ru/news/media/year07/october/prezone.htm>.
- (11) Руководство Исламской Республики Иран: официальный сайт // <http://www.president.ir/fa/17.10.2007> (на перс. яз.).
- (12) 1384 ماه مرداد – مرداد ماه / دبیرخانه شورای اطلاعات رسانه دولت / برنامه دولت نهم [Барнаме-йе доулат-э нохом. / Дабирхане-йе шоура-йе эттел'а расани-йе доулат. – 1384, мордад.] [Программа девятого Правительства / Секретариат Совета по информации Правительства. – 23.07–22.08.2005 г.] // Руководство Исламской Республики Иран: официальный сайт // <http://www.president.ir/fa>
- (13) 1384 ماه مرداد – مرداد ماه / دبیرخانه شورای اطلاعات رسانه دولت / برنامه دولت نهم – С. 8.
- (14) Ibid. – С. 15–16.
- (15) Путин посетил ядерный центр в Сарове // BBC: Русская служба: Официальный сайт // http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/02/120224_iran_iaea_putin.shtml?print=1

IRAN AND RUSSIA: HISTORIC PARALLELS OF DEVELOPMENT

V.I. Yurtaev

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article considers the problem of involvement of the Islamic Republic of Iran in the contemporary integration processes in Eurasia in the context of analyzing the perspectives of actual international cooperation formats implementation with participation of Iran and Russia. Particular attention is paid to the effect of historic synchronization in political history of both the countries and the perspective scenarios for Iran.

Key words: integration projects, historic synchronization of politics, Islamic factor, Russia, Iran, Eurasia.